

А. О. КОНИ.

ПРЕДЪЛЖЕНО
2000 г.

ТРУДЫ И ЗАДАЧИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Рѣчь въ юбилейномъ засѣданіи общества 23 февраля 1902 года).

(Изъ Вѣстника Права.)
(Мартъ 1902 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

ТРУДЫ И ЗАДАЧИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Рѣчь въ юбилейномъ засѣданіи общества 23 февраля 1902 г.).

Мм. г.г.—Два рода ученыхъ обществъ существуетъ въ области *jura et humaniora*. Удѣлъ однихъ—исторія и археологія. Ихъ устремленный назадъ взоръ ищетъ въ возстановленіи картинъ далекаго, застывшаго прошлаго нищи и вмѣстѣ—отдыха для мысли, усталой отъ тревогъ дѣйствительности. Нельзя, конечно, отрицать значенія ихъ трудовъ въ отношеніи къ настоящему и въ особенности къ будущему, ибо исторія, по выраженію Цицерона, не одна *vita memoriae* и *testis temporum*, но и *lux veritatis*—и всякій, для кого она не цѣль случайныхъ событій, а откровеніе общечеловѣческихъ идей, долженъ слышать съ ея страницъ не только приговоръ неподкупнаго судьи, но и вѣщій голосъ пророка. Однако отношеніе это не всегда уловимо и всегда очень условно. Задача другихъ обществъ—имѣть прямое отношеніе къ мимообъгущей жизни, къ ея запросамъ и потребностямъ, складу и укладу—и въ средѣ своей дѣятельности намѣчать идеалы будущаго и пути къ ихъ достиженію.—Одно изъ обществъ послѣдняго рода празднуетъ сегодня четверть вѣка своего существованія. Самое его названіе—*Юридическое Общество*—опредѣляетъ его призваніе—посредствомъ сліянія научныхъ

началь съ житейскимъ опытомъ—указывать на правопотребности общества и развивать въ немъ правильное правосознаніе. Многолѣтніе труды Общества въ этомъ отношеніи такъ разнообразны, сложны и полновѣсны, что даже краткій очеркъ его дѣятельности за 25 лѣтъ отнялъ бы у насъ слишкомъ много времени. Приходится ограничиться краткою характеристикою лишь нѣкоторыхъ изъ сторонъ его дѣятельности. Поэтому я не буду говорить объ организаціи Общества, его управленія, составѣ и т. п. Это *анатомія* Общества, съ которою въ подробностяхъ можно ознакомиться изъ его отчета и устава. Для насъ, быть можетъ, будетъ нѣсколько интереснѣе *физиологія* Общества. Она дастъ возможность хоть отчасти ознакомиться съ кровообращеніемъ его и со взаимнымъ отношеніемъ между сознательною работою его мозга и отзвучивымъ біеніемъ его сердца.

Основаніе нашего Юридическаго Общества тѣсно связано съ судебной реформой. Великія слова коронаціоннаго манифеста 1856 г. о правдѣ и милости, которыя должны царствовать въ судахъ, оживили старыя и вызвали новыя работы по судебнымъ преобразованіямъ, а эти работы сдѣлали *возможнымъ* существованіе Общества, посвящавшаго себя разработкѣ права и процесса, что при старомъ судебномъ порядкѣ было совершенно *немыслимымъ*. Когда Судебные Уставы были введены, эта возможность обратилась въ *необходимость*. И дѣйствительно, можно ли было говорить серьезно о существованіи и дѣятельности Юридическаго Общества, какъ мы его нынѣ понимаемъ, въ эпоху, когда все источники питанія такого Общества были искажены или загрязнены? Такихъ источниковъ, вообще говоря, три: наука, законодательство и судебная практика. Научныя положенія, преломившись въ законодательной призмѣ на радугу отдѣльных мѣръ, получаютъ воплощеніе въ обыденной жизни путемъ судебной практики.

Наша старая судебная практика представляла изъ себя *приказную* правду, творимую *приказными* людьми. Я не хочу вызывать въ вѣлшемъ воспоминаніи тѣхъ картинъ стараго суда, которыя были мною, съ возможной подробностью, изображены

въ рѣчахъ о нашихъ судебныхъ „отцахъ церкви“—Ровнинскомъ, Зарудномъ и Стояновскомъ. Достаточно указать лишь на ужасающую медленность стараго производства и по гражданскимъ, и по уголовнымъ дѣламъ. Знаменитое дѣло Батаповыхъ, длившееся десятки лѣтъ и послужившее отдаленнымъ толчкомъ къ судебной реформѣ, до все не составляло исключенія. Достаточно напомнить о томъ, что Стояновскому пришлось завершать уголовное дѣло о кражѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства мѣдной монеты на 115,000 р., длившееся 21 годъ, и что еще прошлой осенью Общему Собранію Сената пришлось окончательно разрѣшить гражданскій споръ, возникшій между однимъ изъ городовъ Западнаго края и Бенедиктинскимъ женскимъ монастыремъ еще въ 1855 году. Вотъ когда можно было оцѣнить справедливость китайской поговорки, говорящей: „муха можетъ затянуть тебя въ судъ, шесть паръ воловъ изъ него не вытащатъ“. Безгласность производства и все покрывающая и прикрывающая канцелярская тайна не давали способовъ знакомиться непосредственно съ судебной практикой и вѣдать, *какъ* творится судъ, но зато система формальныхъ и механически предустановленныхъ доказательствъ давала возможность представить себѣ, *что* творилось подъ именемъ правосудія.

Въ переживаемые нами Гоголевскіе дни, когда въ умѣ и въ памяти возникаютъ съ такою яркостью правдивые и выпуклые образы, созданные великимъ писателемъ, нужно ли упоминать о тѣхъ типически-приказныхъ людяхъ, надъ которыми, да вмѣстѣ съ ними и надъ создававшимъ ихъ обществомъ, онъ „горькимъ словомъ своимъ посмѣялся“. Мы можемъ представить себѣ внутреннюю картину судебныхъ инстанцій. Передъ нами описанный Гоголемъ уѣздный судъ, въ пріемной комнатѣ котораго пасутся гусенята, а надъ шкафомъ съ законами виситъ арапникъ; И. С. Аксаковъ даетъ намъ картину дня въ уголовной палатѣ, гдѣ, во время рѣшенія дѣла, засѣдатель, сообразно своему сословному положенію, выкидываютъ палкой военный артикулъ или топятъ печи,—а любознательность Стояновскаго отерывасть въ 1843 году во всемъ составѣ *семи* петербургскихъ департаментовъ

Сената лишь *шесть* человекъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Приказная правда не могла не торжествовать, находясь въ рукахъ огромнаго большинства приказныхъ людей и представляя собою печальную картину судебныхъ порядковъ, въ которыхъ власть безъ образованія затопляла собою маленькіе островки образованія безъ власти. Уроки такой приказной правды не могли служить матеріаломъ для правильнаго мышленія, а давали лишь поводъ считать слова знаменитой эктеньи: „яко суды Его не мздоимны и не лицепріятны сохрани!“ — не мольбою объ устраненіи *возможности*, а воплемъ передъ подавляющей *дѣйствительностью*.

Нечего дѣлать было съ такой судебной практикой и наукой. Последняя или брезгливо отворачивалась отъ стараго уложенія о наказаніяхъ, вѣявшаго средними вѣками, и при чтеніи страницъ котораго рябило въ глазахъ отъ избыточно рощаемыхъ плетей и клеймъ, — или пѣла этому уложенію рабѣшныя дифирамбы. Въ первомъ случаѣ наука уходила въ аль и въ глубину вѣковъ, изощряясь въ изслѣдованіяхъ о куняхъ, вирахъ и уголовномъ правѣ Русской Правды или Судебниковъ; во второмъ — она писала въ лицѣ извѣстнаго профессора-криминалиста въ автобіографической запискѣ къ столѣтію Московскаго университета, что „главною задачею своего преподаванія съ 1838 по 1855 годъ профессоръ полагалъ утверженіе въ своихъ слушателяхъ *глубокаго уваженія* къ отечественнымъ постановленіямъ по преподаваемому имъ предмету“. При такой отчужденности или угодливости науки вліяніе ея на законодательство и судебную практику должно было быть совершенно ничтожнымъ. Да и самое законодательство въ значительной мѣрѣ оправдывало изреченіе Виндшейда о томъ, что „юриспруденція есть служанка законодательства, но служанка въ терновомъ вѣщцѣ“.

Вотъ почему Юридическія Общества до начала царствованія Александра II были немислимы. Незабвенная эпоха внутренняго обновленія, залѣченія наболѣвшихъ язвъ и умиротворенія уставшихъ скорбѣть по правдѣ сердець — вызвала къ жизни дѣятельныя работы по судебной реформѣ. Съ началомъ ихъ старики, не потерявшіе надежды на возможность

правосудія, могли сказать „пынѣ отпущаешн“, а молодыя силы почувствовали, что ихъ, по выраженію Пушкина, „безкрылыя желанья“ обращаются въ дѣйствительность и у нихъ вырастаетъ сила для полета въ область юридической мысли, не оскорбляемой и не отрицаемой грубой дѣйствительностью. Тогда еще не давно *ненужныя* юридическія соображенія сдѣлались вполне *понятными* и *возможными*. Въ виду ярко разгоравшейся зари судебного преобразованія явилась желательность построить обсерваторію, съ которыхъ можно бы слѣдить и изучать движеніе у насъ и на Западѣ свѣтиль, называемыхъ законностью и правосудіемъ, и умѣть отличать ихъ „разсчитанный ходъ“ отъ движенія „беззаконныхъ кометъ“. Поэтому конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ совпадаютъ съ образованіемъ ряда юридическихъ кружковъ въ Петербургѣ. Одинъ изъ нихъ группируется благодаря энергіи Д. В. Стасова, привлекая къ себѣ посетителей многихъ славныхъ впоследствии судебныхъ именъ. Я думаю, что сегодня нашъ уважаемый сочленъ Дмитрій Васильевичъ не безъ справедливой гордости пришелъ сюда праздновать 25-лѣтіе развѣтстаго дерева, выросшаго изъ заботливо и съ любовью посеянныхъ имъ сѣмянъ. Душой другого кружка, собиравшагося въ домѣ генералъ-губернатора, былъ С. Ф. Христіановичъ, вносящій въ него весь блескъ своего тонкаго и милаго ума, всю живость своего горячаго темперамента. Этотъ кружокъ много послужилъ подготовкѣ дѣятелей для будущихъ судебныхъ состязаній. Но главный дѣятель,—самъ Христіановичъ,—не пошелъ въ судебное вѣдомство, хотя и началъ нести, безъ шума и не выдвигаясь, трогательное и благородное служеніе судебному дѣлу. Введеніе новыхъ судовъ ставило лицомъ къ лицу ответшальныя формы административныхъ мѣропріятій и горделиво увѣренную въ себѣ, въ своей законности и правдѣ, дѣятельность представителей новорожденнаго суда. Столкновенія были неизбежны—и на почвѣ самолюбія, и на почвѣ дѣла. Они могли грозить успѣху новыхъ учреждений, ихъ введенію въ русскую жизнь. Нуженъ былъ зоркій глазъ, способный предусмотрѣть эти столкновенія,—рука, умѣющая лю-

бовно и мягко ихъ предотвратить. Нуженъ былъ *стрѣлочникъ*, готовый во всеѣ трудныя минуты стоять на мѣстѣ скрещенія рельсовъ и надежною рукою переводить стрѣлку на надлежащій путь, когда представлялась возможность столкновенія двухъ поѣздовъ. Такимъ стрѣлочникомъ сдѣлался Христіановичъ и долгіе годы несъ свою незамѣтную, но важную службу. Да будетъ въ этотъ день съ благодарнымъ чувствомъ помянуто его имя!

Третій кружокъ былъ созданъ В. Д. Спасовичемъ и работалъ параллельно съ дѣятельностью новыхъ судовъ, пока не образовалось, наконецъ, наше Общество. Оно явилось по мысли юридическаго факультета Петербургскаго университета, возбужденной и проведенной въ жизнь трудами и настойчивыми заботами И. Я. Фойницкаго. Ему оно, по всей справедливости, обязано своимъ существованіемъ. Образованію нашего Юридическаго Общества болѣе чѣмъ на десять лѣтъ предшествовало созданіе московскаго Юридическаго Общества, голосъ котораго неожиданно и преждевременно умолкъ. Не хочется, однако, вѣрить, чтобы онъ умолкъ навсегда и даже надолго, — желательно сказать, обращаясь къ нему и къ его дѣятельнымъ членамъ, давшимъ столько цѣнныхъ трудовъ: „*polite flere, non est mortuus, sed dormit!*“.

Первоначально Общество, какъ и слѣдовало ожидать, состояло изъ двухъ отдѣленій, но уже черезъ годъ образовалось *административное отдѣленіе*, подъ вліяніемъ Александра Дмитриевича Градовскаго, опредѣлившаго его задачу, со свойственной ему ясностью мысли и языка, какъ „насажденіе началъ права въ области управленія“. Первымъ предсѣдателемъ отдѣленія былъ К. К. Гротъ, видный боецъ противъ откупной системы и глубокой поклонникъ законности въ дѣлахъ управленія, умѣвшій до конца своихъ многополезныхъ дней подъ сухой наружностью сановника сохранить неизмѣнную теплоту и чуткое къ людскимъ скорбямъ сердце. Но главнымъ дѣтелемъ, душою отдѣленія, былъ, конечно, Градовскій, память котораго мы не разъ чтимъ искренно и скорбно. Онъ щедро расходовалъ у насъ, какъ и повсюду, сокровища своего ума и громаднхъ познаній и,

„упорствуя, волнуясь и спѣша“, не падалъ своего больного сердца, принося его въ жертву тому, что считалъ истиннымъ благомъ, и пылая подобно пламени, свѣтъ котораго тѣмъ скорѣе меркнетъ, чѣмъ ярче оно горитъ. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ его кончины, сошелъ—будемъ надѣяться, временно—со сцены и его даровитый ученикъ, но остался завѣтъ Градовскаго о необходимости обращаться въ нашихъ трудахъ всегда отъ частнаго къ общему. и отъ преходящаго къ нравственно-незыблемому.

Затѣмъ, гораздо позже, въ 1897 г., по почину нашего теперешняго предсѣдателя, открылось *отдѣленіе общаго права*. Общество никогда не было чуждо вопросамъ народной правовой жизни. Ему было ясно, что законъ не можетъ быть рѣзко оторванъ отъ народнаго правосознанія, иначе онъ будетъ обреченъ на постоянный обходъ или на примѣненіе, насильственное по приемамъ и безплодное по нравственнымъ результатамъ. Притомъ, у насъ многіе миллионы живутъ по своему обычному праву. Въ этомъ правѣ сказывается народная житейская и юридическая мудрость; она является не какъ мифологическая Минерва изъ Юпитеровой головы законодателя, во всеоружіи, готовая на бой со всѣмъ, что съ нею несогласно,—а геологически, путемъ многовѣкового напластыванія взглядовъ, вытекающихъ изъ глубоко сознанныхъ потребностей. Эти пласты подчасъ хранятъ въ себѣ слѣды историческихъ переворотовъ и отпечатки разныхъ чудовищныхъ ихтиозавровъ и плезиозавровъ, но зато они тѣсно слиты съ народной жизнью, а не навязаны ей или отвлечены отъ нея игрою бюрократическаго воображенія.

Наконецъ, въ послѣдніе годы общество расширилось присоединеніемъ къ нему *русской группы международнаго союза криминалистовъ*, подъ дѣятельнымъ руководствомъ И. Я. Фойницкаго. Слиясь съ этимъ союзомъ, Общество отдало дань не только современнымъ потребностямъ науки уголовного права, но и высшимъ началамъ человѣческаго общенія. Въ наше время жизненная, глубокая и богатая идея національности, стремящейся къ достиженію общечеловѣческихъ идеаловъ, не утрачивая своей самобытности, усту-

пасть мѣсто узкому понятію о націонализмѣ, замыкающемуся въ забвеніе о другихъ и горделивое самомиѣніе. Подъ вліяніемъ этого и въ международной области развиваются мрачныя явленія, гдѣ зрителемъ, а иногда и попустителемъ является почти весь свѣтъ, забывшій такъ давно уже возвѣщенные ему начала братской любви и справедливости. Изъ отношеній народовъ между собою какъ бы улетучилось понятіе о нравственности; мораль осталась лишь для собственного употребленія, сливаясь съ понятіемъ о личной или коллективной выгодѣ. Но наука, на чистыхъ высотахъ знанія, отвергаетъ все эгоистическія перегородки и одинаково грѣбеть своими лучами всехъ, кто хочетъ ей служить или ищетъ у нея опоры и свѣта. Вотъ почему Общество, находя, что развитіе права предполагаетъ дружное участіе народовъ и не исчерпывается предѣлами отдѣльнаго государства, приняло участіе въ образованіи русской группы международного союза криминалистовъ.

На характерѣ *длительности* Юридическаго Общества отразилось время его возникновенія. Когда оно было призвано къ жизни, прошло уже одинадцать лѣтъ съ открытія петербургскихъ и московскихъ судебныхъ мѣстъ новаго устройства; затѣмъ, постепенно была введена реформа почти во всей Европейской Россіи, за исключеніемъ Западнаго и Прибалтійскаго края. Судебные Уставы перестали быть неиспытанною новостью. Излишне становилось разъяснять въ бесѣдахъ и докладахъ, *какъ* надо ихъ примѣнять, но слѣдовало говорить о томъ, *что* *оказалось* при ихъ многосложномъ примѣненіи къ разнообразнымъ бытовымъ условіямъ русской жизни. Судебные Уставы были плодомъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаниемъ ответственности составителей ихъ предъ Россією, жаждавшею правосудія въ его дѣйствительномъ значеніи и проявленіи. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный,—трудъ, исполненный довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа, способнаго получить новыя учрежденія и принять въ нихъ живое и непосредственное участіе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ работа со-

ставителей Уставовъ есть настоящій памятникъ ихъ любви къ родинѣ. Будущіе сыны ея, просвѣтленные широко развитымъ образованіемъ, съ благодарнымъ чувствомъ напишутъ въ своемъ сердцѣ имена Стояновскаго, Буцковскаго, Ровинскаго, Заруднаго и др., и русская правовая мысль будетъ творить имъ „вѣчную память“ въ то время, когда многія другія, болѣе шумныя, имена развязныхъ поносителей и хулителей судебной реформы давно уже будутъ позабыты...

Но, при всемъ своемъ достоинствѣ, Судебные Уставы, во многихъ своихъ частяхъ, представляли кабинетный трудъ, не могшій быть предварительно провѣреннымъ практически. Цѣля судебныя учрежденія и ихъ органы являлись въ нашей жизни впервые, заманчивые въ идеалѣ, нѣсколько загадочные въ своемъ житейскомъ осуществленіи. Прокуроръ-обвинитель, а не прежній молчаливый „блоститель закона“; адвокатъ, самое имя котораго наводило на представителей стараго порядка нѣкоторый суевѣрный ужасъ, и, наконецъ, присяжный засѣдатель, смѣло призванный на работу судьи изъ среды вчерашнихъ рабовъ,—все это, въ особенности послѣдній, представлялось еще въ мечтахъ, а не въ оболочкѣ прозаической дѣйствительности. Но ко времени открытія петербургскаго Юридическаго Общества судъ присяжныхъ уже проявилъ себя на практикѣ и, выдержавъ первый искусь, имѣлъ за собою длинный рядъ правосудно и совѣстливо выработанныхъ приговоровъ, совершенно немислимыхъ при старомъ судебномъ порядкѣ съ его „оставленіями въ подозрѣніи“,—имѣлъ предъ собою и рядъ страстныхъ нападеній, клеймившихъ его именемъ „суда улицы“. Для безпристрастнаго взгляда не все въ этомъ судѣ было выработано окончательно и кое-что нуждалось въ исправленіи, но было ясно, что матеріаломъ для сужденія о недостаткахъ практическаго примѣненія этой формы суда должны служить не торопливые выводы людей, не бывшихъ очевидцами хода процесса въ его, богатой впечатлѣніями житейской правды, обстановкѣ, а судящихъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь по обрывкамъ спѣшныхъ и неполныхъ печатныхъ извѣстій. Для

вдумчиваго наблюдателя судьбы новыхъ учреждений было очевидно, что именно судъ присяжныхъ и былъ, долгіе годы, поставленъ у насъ въ самыя невыгодныя условія, оставляемый безъ призора и ухода, на произволь всякихъ неблагопріятныхъ вліяній, причеиъ недостатки его, столь понятныя во всякомъ новомъ дѣлѣ, не исправлялись любовно и рачительно, а со злорадствомъ возводились на степень „смертнаго грѣха“...

Вотъ почему одною изъ первыхъ большихъ работъ нашего Юридическаго Общества былъ подробный докладъ о судѣ присяжныхъ, занявшій нѣсколько засѣданій и вызвавшій оживленія пренія.

Тогда были разобраны причины, неотвратимо вызывавшія оправдательныя приговоры по многимъ дѣламъ о преступленіяхъ по должности и противъ устава о паспортахъ и указана цѣль неблагопріятныхъ условій, совокупно вліяющихъ на правильность дѣятельности присяжныхъ вообще. Уголовное отдѣленіе Общества при этомъ выработало положенія, содержащія въ себѣ указанія на необходимость устраненія этихъ условій. Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія увидѣло затѣмъ Общество, какъ, мало по малу, законодатель вступалъ на этотъ желанный путь, какъ улучшались составъ присяжныхъ засѣдателей и дѣятельность комиссій по составленію ихъ списковъ, исправлялась нецѣлесообразная подеудность, устранялась излишняя обрядность судебныхъ засѣданій, вводилось участіе присяжныхъ въ постановкѣ вопросовъ и т. п.

Понемногу затихали и крики противниковъ суда присяжныхъ, обращаясь въ случайное ворчаніе по поводу отдѣльныхъ дѣлъ. Но когда, въ 1895—96 гг., началось обсужденіе преобразованій въ Судебныхъ Уставахъ, неожиданно раздались голоса укора этому суду и признанія его негоднымъ для цѣлей правосудія или подлежащимъ такому исправленію, которое равнялось уничтоженію цѣлостнаго и нелицемѣрнаго его характера. Эти голоса раздались не извнѣ, а изъ самаго судебного стана. Они должны были придать большую энергію осаждающимъ, нашедшимъ себѣ неожиданныхъ союзниковъ,

вооруженных боевымъ матеріаломъ и знаніемъ техники, котораго всегда недоставало гонителямъ „суда улицы“. Юридическое Общество снова взялось за оружіе свободнаго и всесторонняго обсужденія вопроса. Оно назначило особое засѣданіе, съ участіемъ представителей московскаго Юридическаго Общества, въ тщетной надеждѣ услышать устные доводы суровыхъ критиковъ и отщепенцевъ. Выслушавъ глубоко прочувствованный докладъ К. К. Арсеньева и рядъ разностороннихъ обзоровъ дѣятельности присяжныхъ, Общество единогласно высказалось въ защиту суда общественныхъ представителей, выразивъ увѣренность, что этотъ жизненный, облагораживающій народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія, судъ долженъ укрѣпиться въ нашей жизни, не отходя въ область преданій и продолжая быть для участвующихъ въ немъ школою исполненія долга общественнаго служенія, правильнаго отношенія къ людямъ и человѣчскаго обращенія съ ними. И нынѣ съ сердечною радостью привѣтствуетъ Общество закрѣпленіе суда присяжныхъ въ проектѣ „судебнаго пересмотра“ и устраненіе изъ его дѣятельности послѣднихъ поводовъ къ „девіаціи“, разрѣшеніемъ представителямъ общественной совѣсти знать о наказаніи, которому подвергается подсудимый, и предъявлять суду ходатайства о помилованіи.

Съ дѣятельностью суда по всѣмъ наиболѣе важнымъ своимъ карательными послѣдствіями дѣламъ тѣсно связаны вопросы о состязаніи сторонъ, о предѣлахъ изслѣдованія, объ оцѣнкѣ доказательствъ и, наконецъ, о руководящемъ напутствіи предсѣдателя. Все это было предметомъ тщательнаго изученія и провѣрки въ Обществѣ. Дѣятельность и организація прокуратуры нашли себѣ оцѣнку въ докладѣ нынѣшняго генераль-прокурора „о задачахъ прокурорскаго надзора“; докладъ редактора журнала нашего Общества очертилъ важный вопросъ „о свободѣ защиты“; четырнадцать засѣданій было посвящено ряду докладовъ о завѣщанной еще составителями Уставовъ выработкѣ правилъ о доказательствахъ и объ установленіи предѣловъ изслѣдованія. Въ послѣднемъ отношеніи работы еще не могутъ быть признаны завершенными.

Больной и острый вопрос о предѣлахъ уголовного изслѣдованія, затрагивающій одновременно и интересы правосудія, и неотъемлемыя, драгоцѣнныя права личности, восходившій не разъ и до нашего высшаго судилища, подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ въ Юридическомъ Обществѣ. Онъ заслуживаетъ, по своему значенію, усиленаго труда, для котораго есть богатая фактическая почва. Область уголовного изслѣдованія слѣдуетъ принципиально установить и точно указать. Этимъ долженъ быть положенъ нравственный предѣлъ пенужной и незаконной любознательности собирателей обличительныхъ данныхъ, дающей пищу нездоровому любопытству толпы. Руководящее напутствіе, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало выработанное, не приобрѣвшее еще вложеннаго въ него закономъ значенія и не ставшее, какъ то необходимо у насъ, центромъ тяжести всѣхъ словесныхъ объясненій предъ присяжными, заинтересовало Общество съ самаго начала его дѣятельности. Первый рефератъ въ уголовномъ отдѣленіи, занявшій три засѣданія и вызвавшій самый оживленный обменъ мнѣній, касался именно заключительнаго слова предсѣдателя.

Однимъ изъ коренныхъ началъ судебной реформы 1864 г. является *публичность*. Безъ нея, безъ этой существенной и основной принадлежности суда, приказная правда старыхъ порядковъ скоро вступила бы въ свои права и въ новомъ помѣщеніи, внося туда свою гниль и плѣсень. Не даромъ первой провозвѣстницей идущаго обновленія въ старомъ судѣ явилась гласность производства, разгонившая, по правиламъ 11 октября 1865 года, густые и вредные туманы канцелярской тайны. Введенная уставами публичность честно служила государству и правосудію, устраняя описанное составителями Уставовъ положеніе, при которомъ „оправданный выходитъ менѣе оправданнымъ, а обвиненный менѣе изобличеннымъ“, и раскрывая предъ обществомъ и правительствомъ скртыя язвы общественнаго организма или служебныхъ злоупотребленій. Но рамки спеціальныхъ преступленій, указанныхъ ст. 620 уст. угол. суд., не всегда удовлетворяли насущной необходимости оградить общественную нравственность и даже

самые интересы правосудія отъ публичной разработки и оглашенія отдѣльныхъ обстоятельствъ и цѣлыхъ эпизодовъ по дѣламъ, не упомянутымъ въ ст. 620. Юридическое Общество съ серьезнымъ вниманіемъ отнеслось къ этому явленію и выслушало, еще въ 1882 году, обширный докладъ, исходившій изъ глубокаго уваженія къ свѣтлому началу публичности, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнившій обществу слова Спасителя „нельзя соблазну не придти въ міръ, но горе тѣмъ, чрезъ кого онъ приходитъ“ и предлагавшій расширеніе правъ суда по защитѣ воображенія и воспримчивости слушателей отъ соблазнительныхъ или грязныхъ картинъ челоѳческаго паденія. Соображенія этого доклада нашли свое подтвержденіе, а, быть можетъ, и отголосокъ въ той части закона 1887 года, которая касается соотношенія между публичностью и *требованіями общественной нравственности*. Юридическое Общество не оставалось чуждымъ этому вопросу и въ дальнѣйшіе годы и еще недавно выслушало докладъ К. К. Арсеньева о гласности и устности по новому проекту устава уголов. судопр. Вопросъ о публичности не можетъ считаться исчерпаннымъ исполнѣ. Изъ одного изъ руководящихъ, въ этомъ отношеніи, рѣшеній нашего уголовнаго кассационнаго суда видно, какъ разнo могутъ быть толкуемы и понимаемы тѣ, намѣченныя закономъ въ общихъ выраженіяхъ, основанія, по которымъ нѣмѣ подлежатъ закрытію, по усмотрѣнію суда, двери засѣданія. Они нуждаются въ подробномъ и продуманномъ анализѣ наряду съ условіями практическаго осуществленія той тѣсной связи между *публичностью* судебного производства и *гласностью*, которая прямодушно признана закономъ, въ правилахъ о печатаніи судебныхъ рѣшеній, какъ неизбѣжный и естественный элементъ публичности. Наконецъ, нельзя не упомянуть о рядѣ докладовъ о судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ и о взаимныхъ отношеніяхъ администраціи и юстиціи въ ихъ практической дѣятельности—о рѣчи В. Д. Спасовича на тему, имѣющую не только тѣсно юридическое, но и государственное значеніе—„о языкѣ въ области судопроизводства“ и о докладѣ о реформѣ и задачахъ кассацин, имѣющемъ связь съ большимъ мѣстомъ нашей судебной прак-

тии, съ тѣмъ, что я назвалъ бы *разсмотрѣнемъ дѣлъ по существу въ кассационномъ порядкѣ*, которое, въ сущности, возвращаетъ наше судебное производство къ началу письменности и къ возможности вліянія личныхъ взглядовъ, настроеній и темперамента на оцѣнку важности кассационныхъ поводовъ.

Рядомъ съ разработкой этихъ коренныхъ вопросовъ шло въ Обществѣ изученіе отдѣльныхъ отраслей *процесса* въ ихъ практическомъ и научномъ освѣщеніи. Ихъ было такъ много, что можно лишь указать на нѣкоторые для примѣра. Таковы доклады объ апелляціонномъ производствѣ, о вызовѣ свидѣтелей въ судебное засѣданіе, объ обжалованіи подсудимыми оправдательныхъ приговоровъ, о недостаткахъ и пробѣлахъ предварительнаго и судебного слѣдствій, о раздѣленіи головъ по уголовнымъ дѣламъ и т. д. Нѣкоторые вопросы разрабатывались съ чрезвычайною подробностью и со всѣхъ сторонъ. Въ особенности много удѣлено было труда и вниманія экспертизѣ по уголовнымъ дѣламъ, причемъ былъ представленъ рядъ рефератовъ объ экспертизѣ вообще и въ частности объ экспертизахъ литературной, художественной и фотографической, о гипнотическихъ внушеніяхъ, какъ предметѣ заключенія свѣдущихъ людей, объ освидѣтельствованіи съумасшедшихъ и, наконецъ, о задачахъ русскаго судебно-медицинскаго законодательства.

Много труда положило Общество и въ работы изъ *области права*. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлало гражданское отдѣленіе, въ которомъ, въ противоположность уголовному отдѣленію, вопросы догмы преобладали надъ вопросами процесса. Въ трудахъ этого отдѣленія на первомъ планѣ стояла разработка отношеній, вытекающихъ изъ семейнаго союза. Было представлено двѣнадцать рефератовъ, занявшихъ двадцать одно засѣданіе и касавшихся личныхъ и имущественныхъ отношеній супруговъ, положенія дѣтей, прижитыхъ внѣ брака, и сравненія женщинъ съ мужчинами въ правахъ по наследованію. Послѣдній докладъ, равно какъ и сдѣланный впоследствии докладъ о „задачахъ законодательства по отношенію къ трудовымъ артелямъ“ были сдѣланы нашимъ ува-

жаемымъ сочлепомъ Анною Михайловною Еврешиной. Гражданское право входитъ въ жизнь гораздо шире и глубже, чѣмъ уголовное. Поэтому отношенія, вытекавшія изъ новыхъ явленій гражданского быта, вызвали отзывчивое вниманіе гражданского отдѣленія. Его интересовали—общественныя собранія и клубы съ юридической точки зрѣнія, —желѣзнодорожныя и пароходныя предпріятія въ виду особенностей установленнаго 683 ст. I ч. X тома *opus probandi* отвѣтственности за вредъ и убытки, причиненные при эксплуатаціи; его занимали—вопросы объ отвѣтственности акціонерныхъ обществъ и ихъ органовъ передъ акціонерами и фабрикантовъ и заводчиковъ въ случаяхъ несчастій съ рабочими.

Въ области права предъ уголовнымъ отдѣленіемъ прежде всего предстало ученіе итальянской антропологической школы и всѣхъ ея развѣтвленій, самоувѣренно шедшее на упраздненіе такъ называемой классической школы въ уголовномъ правѣ съ ея основными положеніями и процессуальными приемами. Выспенію какъ разумныхъ, такъ и преувеличенныхъ сторонъ въ этомъ новомъ ученіи посвященъ былъ рядъ докладовъ и, быть можетъ, памятна многимъ, оживленная, блестящая бесѣда между представителями разныхъ направленій въ 1890 г. по этому же поводу. Въ связи съ этими ученіями находятся вопросы вмѣненія, и къ этимъ вопросамъ Общество много разъ обращалось въ своихъ засѣданіяхъ, нерѣдко приглася на нихъ представителей науки о душевныхъ болѣзняхъ. Всѣхъ докладовъ, имѣвшихъ предметомъ вопросы о вмѣненіи, съ разныхъ точекъ зрѣнія, было девять, записанныхъ семнадцать засѣданій. Первымъ по времени былъ докладъ Н. С. Таганцева „объ условіяхъ вмѣненія при полицейскихъ нарушеніяхъ“ въ 1878 г. Последнимъ по времени былъ рефератъ въ 1898 г., касавшійся новаго спора о вмѣненіи въ нѣмецкой литературѣ, сдѣланный В. Д. Набоковымъ. И по разработкѣ взглядовъ на отдѣльныя преступленія труды уголовного отдѣленія были очень обильны по числу, важны по содержанію. Такъ, въ первые же годы своего существованія отдѣленіе выслушало два многосторонне обработанныхъ доклада Н. С. Таганцева и В. Д. Спасовича о преступле-

нiяхъ противъ вѣры, въ которыхъ, еще въ 1881 г., намѣчены тѣ затрогивающiе глубины человѣческаго духа вопросы объ отношенiяхъ между собою свободы совѣсти и вѣротерпимости, вопросы, съ которыми и нынѣ приходится считаться законодателю и которые такъ живо и тревожно интересуютъ общество. Въ эти же годы представлѣны, съ обычнымъ блескомъ, Н. А. Неклюдовымъ доклады о преступленiяхъ противъ брака и о лжесвидѣтельствѣ—и постепенно разработаны, съ критической и догматической стороны, многiя постановленiя особенной части нашего уложенiя. Между этими докладами нельзя не отмѣтить касавшихся животрепещущихъ интересовъ печатнаго слова докладовъ Г. Б. Слюзберга о наказуемыхъ нарушенiяхъ авторскаго права и о преступленiяхъ печати, изъ которыхъ послѣднiй вызвалъ особую оживленную бесѣду. Нужно ли говорить, что весьма большое число засѣданiй было удѣлено такимъ жизненнымъ вопросамъ, какъ отвѣтственность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, организацiя тюрьмы и ссылки, устройство арестантскаго труда и т. п., въ разработкѣ которыхъ принимали особое участiе Д. А. Дриль, А. К. Вульфбергъ и И. В. Мѣщаниновъ.

Общество чутко относилось къ законодательству отечественному и чужому. Можно смѣло сказать, что ни одинъ проектъ по вопросамъ права и процесса, разработанный за границей или прiявшiй силу закона, не ускользнулъ отъ вниманiя общества и отъ подробной его разработки. Русское законодательство до начала 80-хъ годовъ давало мало пищи для дѣятельности общества. Лишь въ 1878 году В. Д. Спасовичу пришлось ратовать противъ расчлененiя судебныхъ уставовъ и ввѣдренiя ихъ отдѣльныхъ частей въ соотвѣтствующiе томы свода законовъ. Онъ взывалъ о спасенiи этого утопленника въ морѣ устарѣлыхъ и наполовину невѣдомыхъ статей и о возвращенiи его къ прежней самостоятельной жизни, что было необходимо, такъ какъ, при разбрасыванiи статей устава уголовного судопроизводства и учрежденiя судебныхъ установленiй, нѣкоторыя изъ нихъ получили несвойственную имъ кодификацiонную окраску. Затѣмъ, въ 1880 г.,

нынѣшній министр юстиціи Н. В. Муравьевъ изложилъ предъ Обществомъ, съ критической оцѣнкой, особенности новой подсудности преступленій противъ порядка управленія, установленной закономъ 1878 г. Но дѣятельность Общества въ этомъ отношеніи чрезвычайно оживилась, когда было возвышено новое начертаніе уголовного и гражданскаго уложеній, и стали появляться обширные труды занятыхъ этимъ начертаніемъ комиссій. Гражданское отдѣленіе откликнулось обширными рефератами, между которыми заслуживаютъ особаго упоминанія труды о предметѣ и системѣ гражданскаго уложенія, о характерѣ и направленіи работъ по его составленію, объ отношеніи его къ мѣстнымъ законамъ и о методѣ будущей кодификаціи. Первый изъ нихъ памятенъ, кромѣ своего содержанія, еще и тѣмъ, что въ обсужденіи его участвовалъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, чистѣйшихъ и нравственно-стойкихъ русскихъ людей—Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ. Уголовное отдѣленіе откликнулось на предстоявшіи преобразованія образованіемъ ряда комиссій, представившихъ тщательно разработанныя заключенія на проектъ уголовного уложенія. Кромѣ того, это отдѣленіе, для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, напр.: о вмѣненіи по проекту новаго уложенія и объ имущественныхъ преступленіяхъ, имѣло соединенныя засѣданія съ Обществомъ Психіатровъ и съ гражданскимъ отдѣленіемъ. Въ первомъ засѣданіи по обсужденію лѣстницы наказаній, установленной проектомъ, принималъ участіе и министр юстиціи Д. Н. Набоковъ. Наконецъ, въ послѣднее время, во всѣхъ отдѣленіяхъ Общества, былъ цѣлый рядъ докладовъ по проекту комиссіи о пересмотрѣ законоположеній по судебной части. Въ виду того, что труды комиссіи, наряду съ предположеніями о ремонтѣ судебного зданія, содержатъ въ себѣ и проектъ существенной перестройки этого зданія, закладывая въ его фундаментъ новую должность участковаго судьи, съ разнообразными обязанностями и широкой, противу нынѣ дѣйствующей, подсудностью, доклады эти обращены были преимущественно на оцѣнку пригодности и цѣлесообразности этого нововведенія.

Не одни вопросы матеріальнаго права и процесса нашли себѣ отголосокъ въ занятіяхъ Юридическаго Общества. Наравнѣ съ ними запросы общественной жизни и условія быта не были ему чужды. Подобно тому, какъ судъ присяжныхъ представляетъ естественное соприкосновеніе власти съ общественною совѣстью въ дѣлѣ суда, такъ земство и полиція являются органами соприкосновенія управленія съ народомъ на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Регламентируя участіе земскихъ силъ въ мѣстномъ управленіи, законодатель создаетъ юридическія основы земскаго самоуправленія, вызывая общественныя силы на служеніе матеріальнымъ и нравственнымъ интересамъ окружающихъ и внося воспріимчивый элементъ почва въ дѣла и среду, которая мертвила бы канцелярщина. Важность правильности этой регламентаціи и ея чуткости къ дѣйствительнымъ интересамъ населенія сознавалась всегда дѣятелями административнаго отдѣленія. Одно перечисленіе докладовъ А. Д. Градовскаго указываетъ на это. Въ 1878 г. онъ говоритъ о правѣ ходатайствъ, предоставленномъ земскимъ собраніямъ,—въ 1879 г. о наказѣ полиціи,—въ 1880 г. о необходимости пересмотра XIV тома,—въ 1881 г. о возрастномъ срокѣ для выбора по земскимъ учрежденіямъ,—въ 1884 г. о выборахъ гласныхъ отъ крестьянъ. По его стопамъ идутъ члены Общества—Коркуновъ, Свѣшниковъ, Арсеньевъ, Кузьминъ-Караваевъ и Гессель. Здѣсь не мѣсто называть ихъ многочисленныя и интересныя доклады. Достаточно сказать, что въ нихъ разработаны вопросы мѣстнаго самоуправленія въ Европѣ и въ Россіи,—вопросы о предѣлахъ власти и ответственности губернаторовъ,—о всесословной волости,—о новѣйшихъ сочиненіяхъ по самоуправленію,—о фиксаціи земскаго обложенія,—о земской адвокатурѣ и объ отношеніяхъ земства къ народному образованію.

Рядомъ съ юридическимъ бытомъ народа стоитъ его общественной бытъ, въ которомъ, къ несчастью, нерѣдкими источниками печальныхъ явленій служатъ темнота, беззащитность, невѣжество и бѣдность. И этому быту членами Общества было посвящено не мало трудовъ на почвѣ живыхъ

наблюдений, этнографических данных, статистических материалов и психологических исследований. И. Я. Фойницкий говорил намъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ о факторахъ преступности и о женщиѣ-преступницѣ, а также соотношеніи внутреннихъ психическихъ и вѣшнихъ космическихъ и общественныхъ силъ во вліяніи на преступность. Д. А. Дриль подѣлился изъ запаса своихъ исследованийъ богатыми данными „О болѣзни, пороки и преступленіи“, „Объ убійствѣ и убійцахъ“. А. А. Левенстимъ далъ весьма интересные доклады: „О фанатизмѣ и преступленіи“, „О суевѣрїи и отношеніи его къ уголовному праву“ и „О конокрадствѣ съ бытовой стороны“. Наконецъ, въ послѣднее время въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Общества разрабатывался вопросъ о причинахъ, обуславливающихъ развитіе проституціи, и о борьбѣ съ ними, въ связи съ чѣмъ находится и своевременно сдѣланный въ обществѣ рефератъ о Іех Нейзе въ защиту общественной нравственности.

Не одними докладами, бесѣдами и сообщеніями старалось наше Общество исполнять свои обязанности по отношенію къ развитію и упроченію русскаго юридическаго развитія. Оно вошло въ постоянное общеніе съ читающею публикою путемъ изданія своего журнала, вѣряя его искусству и умѣнью опытныхъ редакторовъ и постепенно завоевывая все увеличивающійся кругъ интересующихся имъ лицъ. Первые шаги были трудны и требовали большой энергіи, — и въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить благодарнымъ словомъ перваго, такъ много и полезно поработавшаго редактора В. М. Володимірова.

Въ средѣ Общества, среди крупныхъ величинъ науки, неустанно и любовно работали почтенные и скромные дѣятели, съ трудолюбіемъ пчель приносившіе свой медъ въ общій улей. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ — и въ томъ числѣ проникнутаго нѣжною любовью къ судебному дѣлу Н. И. Цуханова и энергическаго, съ большими знаніями, К. Д. Анциферова, надорванный работою умъ котораго погасалъ такъ долго и мучительно. Чтя его память и дѣянія его серьезные юридическіе труды, Общество издало его сочиненія въ одномъ большомъ томѣ, съ портретомъ покойнаго.

Краткость времени и боязнь утомить васъ, м.м. г.г., лишаетъ меня возможности говорить о сношеніяхъ нашего Общества съ русскими и иностранными Юридическими Обществами, о командированіи делегатовъ на пенитенціарные и сродные имъ конгрессы, объ интересныхъ отчетахъ, о занятіяхъ и конечныхъ выводахъ этихъ ученыхъ собраній, доложенныхъ въ нашихъ засѣданіяхъ. Можно сказать лишь одно: Общество не только существовало, но и жило.

Право на плодотворное будущее даетъ ясное пониманіе своего прошедшаго и уваженіе къ тому, что въ немъ было хорошаго и достойнаго. Только предъ тѣмъ ясно и определенно рисуется *завтрашній* день, кто не забылъ уроковъ, призывовъ и завѣтовъ дня *вчерашняго*. Вотъ почему Общество не могло не чувствовать одинаково со всеми просвѣщенными людьми „во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ“—вотъ почему оно, въ 1880 г., послало адресъ и депутацію въ Москву ко дню открытія памятника нашему великому поэту, „безсмертному мастеру русскаго слова“;—въ 1881 году почтило Достоевскаго, на другой день его похоронъ, рѣчью въ своемъ годовомъ собраніи; въ 1883 году приняло участіе въ похоронахъ Тургенева, возложивъ чрезъ своихъ представителей вѣнокъ на его могилу и въ 1899 году отпраздновало 35-лѣтіе дорогихъ ему Судебныхъ Уставовъ въ особомъ торжественномъ засѣданіи.

Не осталось Общество глухо и при матеріальномъ народномъ бѣдствіи. Оно откликнулось на крайній неурожай 1891 года устройствомъ публичныхъ лекцій. Мы говорили о гипнотизмѣ и о судебной фотографіи и дважды призывали на помощь голодающимъ тѣнь трогательнаго московскаго челоѣклобца—доктора Гааза. Сверхъ того, въ Обществѣ установился,—не сразу и не безъ нѣкоторой настойчивости,—обычай публичныхъ поминокъ по своимъ членамъ въ годовыхъ собраніяхъ и въ особыхъ, торжественныхъ засѣданіяхъ. Первыми, о комъ вспомнило такимъ образомъ Общество, были А. Ф. Кистяковскій и С. Ф. Христіановичъ; дважды собиралось оно въ память А. Д. Градовскаго, векорѣ послѣ его кончины и по поводу ея десятилѣтія; въ такое же десятилѣтіе поминуло

оно С. И. Заруднаго;—вскорѣ послѣ смерти Н. И. Стояновскаго, К. К. Грота, А. Д. Шумахера, Д. А. Ровинскаго и Н. А. Неклюдова состоялись особыя засѣданія въ ихъ память. Устами различныхъ ораторовъ Общество воздало посильную дань уваженія этимъ сѣятелямъ идей правосудія и правды и постаралось оживить предъ слушателями ихъ нравственно привлекательные образы. Между этими слушателями часто бывало довольно много учащейся молодежи, которой общество всегда гостеприимно открывало, въ интересахъ знанія и юридическаго развитія, свои двери. Мы съ искреннимъ удовольствіемъ видѣли эту молодежь на нашихъ „поминикахъ“. Намъ думается, что рассказъ о безкорыстномъ, полномъ труда, терпѣнія и любви служеніи родинѣ со стороны тѣхъ, о чьей почтенной жизни и „непостыдномъ“ концѣ шла рѣчь, не могъ быть бесполезенъ и бесплоденъ для нашихъ молодыхъ слушателей. Намъ и тогда, и теперь хотѣлось имъ повторить слова Виктора Кузена, предъ разлукою его со своею аудиторіею въ Collège de France, въ 1853 году: „Entretenez en vous le noble sentiment du respect. — défendez vous de cette maladie de notre siecle, ce goût fatal de la vie commode, incompatible avec toute ambition généreuse. Quelque carrière que vous embrassiez, proposez vous un but élevé. et mettez à son service une constance inébranlable. *Sachez admirer; ayez le culte des grands hommes et des grandes choses*“.

Таково наше *прошлое*. Оно даетъ основаніе надѣяться, что и въ *будущемъ* Юридическое Общество не отклонится отъ своихъ задачъ. А послѣднія предстоятъ сложныя и, во многомъ, новыя. Обнародованіе и введеніе въ дѣйствіе такихъ коренныхъ законодательныхъ работъ, каковы гражданское уложеніе, новое уголовное уложеніе и „пересмотрѣнные“ Судебные Уставы, должно вызвать множество вопросовъ, нуждающихся въ разностороннемъ толкованіи и разъясненіи. Придется ознакомиться съ тѣмъ, отвѣчаютъ ли созданныя вновь правовыя нормы, положенія и системы дѣйствительнымъ нуждамъ жизни и являются ли ей на „потребу“? Рядомъ съ научнымъ анализомъ *новаго*, явится житейскій анализъ *пріемлемаго*. Въмѣстѣ съ этимъ предстанетъ необходимость взглянуть и въ тѣ толкованія и способы, путемъ которыхъ судебная практика бу-

детъ проводить и осуществлять переработанные заново законы, устанавливающіе уголовную отвѣтственность, регулирующіе гражданскій бытъ и создающіе новые приемы и органы для отправленія правосудія.

Въ этомъ отношеніи Юридическое Общество можетъ сослужить свою службу. И сослужить оно еѣ должно, содѣйствуя правильному пониманію разбираемыхъ имъ законовъ и подвергая ихъ, въ случаѣ надобности, прямодушной и безтрепетной критикѣ, не боясь „усѣкновенія языка“, ибо примѣчаніе къ ст. 1035 улож. о нак. не вмѣняетъ въ преступленіе и не подвергаетъ наказанію обсужденіе не только отдѣльныхъ законовъ и распоряженій, но и цѣлаго законодательства, если съ этимъ обсужденіемъ не связаны—оспариваніе обязательной силы законовъ, призывъ къ неповиновенію имъ или оскорбительное отношеніе къ власти. Такою представляется мнѣ *первая задача* Общества.

Вторая его задача состоитъ въ разработкѣ правовыхъ вопросовъ, вызываемыхъ жизнью. Серьезными и продуманными работами въ этомъ смислѣ оно можетъ приготовить цѣнный матеріалъ для законодателя. Различно и своеобразно текутъ запросы, назрѣвшія потребности и чаянія жизни, пока не упадутъ въ многоводную рѣку законодательства. Одни, падая съ высоты идеала, дробясь, пѣнясь и разбиваясь о камни житейской прозы, то разбрасываясь на мелкіе и быстрые ручейки, то снова сливаясь вмѣстѣ, быстро и съ ропотомъ несутся впереди; другіе, повинуваясь непреложному закону исторіи, спокойно, но неотвратно текутъ по наклонной плоскости; третьи, переполняя столчія воды своекорыстной обособленности, тянутся затхлыми и медлительными струйками къ той же рѣкѣ. И всѣхъ она принимаетъ въ себя и, претворивъ въ себѣ, катитъ свои воды, прокладывая себѣ русло. Въ эту рѣку слѣдуетъ и Юридическому Обществу вливаться своими трудами, построенными на трезвомъ пониманіи общественныхъ потребностей и освѣщенными свѣтомъ науки и любви къ родинѣ. Можетъ, конечно, случиться, что эти труды подчасъ безслѣдно вольются въ многоводную рѣку, но и тогда у Юридическаго Общества останется сознаніе исполненнаго долга. А бытъ мо-

жетъ—его посильная и безкорыстная работа окажется полезной для болѣе лучшаго опредѣленія, гдѣ теченіе рѣки должно сообразоваться съ каменистымъ и вѣковымъ кряжемъ народной жизни, и гдѣ ему на пути лежатъ лишь несчастныя мели и илистые наносы, которые слѣдуетъ размыть и смыть...

Третья задача отчасти опредѣляется состоявшимися къ сегодняшнему дню выборами въ почетные члены Общества. И Габріель Тардъ, и сенаторъ Рене Беранжé—представители совершенно опредѣленнаго и притомъ поваго направленія въ наукѣ уголовного права и процесса. Понятіе объ этомъ правѣ, какъ живой отрасли социологіи, немислимой внѣ ея, и объ уголовномъ процессѣ, какъ сложной разработкѣ преступнаго дѣянія съ точки зрѣнія физиологіи, социологіи и психологіи, составляетъ ядро ученія перваго изъ нихъ. Ему же принадлежатъ и глубокія изслѣдованія изъ области дѣйствій толпы, подвергнутой имъ тонкому психологическому анализу, какъ самостоятельное и своеобразное цѣлое, управляемое совѣмъ другими душевными движеніями, чѣмъ каждая отдѣльная личность, въ нее входящая. Теоріи его смѣлы, взгляды оригинальны, съ ними можно не во всемъ согласиться, но съ ними надо считаться, и имъ, безъ сомнѣнія, въ рукахъ послѣдователей Тарда, будетъ принадлежать большое вліяніе на оцѣнку того, что такое преступленіе и какъ съ нимъ бороться. Юридическому Обществу предстоитъ отнестись къ ученію французскихъ криминалистовъ психо-соціологовъ не съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ оно относилось къ итальянской уголовно-антропологической школѣ. Начало этому уже положено докладомъ В. К. Случевского „о преступленіяхъ толпы“.

Съ именемъ Беранжé связаны вызванные имъ прямо или косвенно живые и острые вопросы современнаго уголовного процесса. Практическое приложеніе условнаго осужденія, уже бывшаго предметомъ интересныхъ докладовъ г.г. Гогеля, Случевского и Жижиленко, представляется далеко еще не окончательно выясненнымъ если не съ юридической, то съ бытовой точки зрѣнія. Новѣйшіе французскіе проекты такъ называемыхъ „loi de bonté“ и „loi de pardon“ идутъ уже гораздо дальше и стремятся совершенно видоизмѣнить политику кара-

тельныхъ мѣръ, вводя не только въ развязку уголовнаго преслѣдованія, но даже и въ возбужденіе послѣдняго—наряду съ педагогическимъ милосердіемъ—элементъ самаго широкаго усмотрѣнія. Это предоставленіе судѣ замѣны приговора помилованіемъ и изслѣдованія вины оцѣнкою побужденій имѣеть въ себѣ много заманчиваго, примиряющаго и отнимающаго у уголовной репрессіи ея суровый характеръ; но все это требуетъ еще вдумчивой, безпристрастной и всесторонней критической оцѣнки, дабы не допустить, чтобы отправленіе правосудія сдѣлалось игройщомъ дрибллой воли и жестокой къ потерпѣвшимъ *чувствительности*, поставленныхъ на мѣсто *чувства* здраваго человѣколюбія и разумнаго снисхожденія. Вотъ новая и обильная работа для уголовнаго отдѣленія Общества. Въ нашей средѣ есть молодой ученый, которымъ мы можемъ гордиться, потому что его смѣлая и проницательная мысль, выросшая на почвѣ обширѣйшихъ познаній, давно уже обратила на себя справедливое и зоркое вниманіе германскихъ цивилистовъ. Его теорія—теорія психологическаго происхожденія правовыхъ нормъ—представляетъ оригинальное, самостоятельное ученіе, пролагающее новые пути, открывающее далекіе горизонты. Съ этой теорією, конечно, можно не соглашаться и защищать противъ нея старыхъ боговъ, но чѣмъ оживленнѣе и горячѣе будутъ эти споры и ихъ отголоски, тѣмъ болѣе будетъ плодотворна научная работа нашего гражданскаго отдѣленія.

Наконецъ, на Обществѣ лежитъ и продолженіе его вѣрной и ревностной службы Судебнымъ Уставамъ. Не мало членовъ нашего Общества на разныхъ поприщахъ своей дѣятельности и въ нашихъ засѣданіяхъ были стойкими поклонниками высокихъ и чистыхъ началъ, вложенныхъ въ эту дорогую имъ книгу. Устойчиво и вѣрно хранили они свою горячую, первую любовь къ этой избранницѣ не только своего сердца, но и совѣсти. Подъ вліяніемъ времени и недуговъ, она очень измѣнилась, и потускнѣлъ ея ясный взоръ, и румянецъ здоровья сошелъ съ ея лица; но они по прежнему съ пѣннымъ и тревожнымъ чувствомъ думаютъ о „подругѣ юныхъ дней“... Теперь Судебнымъ Уставамъ предстоитъ обновленіе. Надо на-

дѣяться, что во всѣ части ихъ, которыя, при окончательномъ пересмотрѣ, не окажутся измѣненными въ существѣ своемъ, будутъ внесены, и притомъ съ тонкостью токарной работы, всѣ необходимыя улучшения и техническія усовершенствованія, указанныя 35-лѣтнимъ опытомъ. Въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ на первое время, работа Общества по изученію и указанію различныхъ неудобствъ практическаго осуществленія значительно уменьшится.

Но за то предстоитъ другая—и думается мнѣ—плодотворная работа изъ той же области Судебныхъ Уставовъ. Начертивъ рядъ правилъ о ходѣ процесса, эти Уставы переплели ихъ съ ясно выраженными и съ несомнѣнно подразумеваемыми нравственными требованіями, предъявляемыми къ людямъ, идущимъ на святое дѣло отправленія правосудія. Совокупность этихъ требованій, выводимая изъ общихъ началъ истинной справедливости и уваженія къ человѣческому достоинству,—есть *судебная этика*, создающая, наряду со *служебнымъ* долгомъ судебного дѣятеля, его *нравственный* долгъ. Раскрытіе, изученіе и выясненіе этическихъ началъ, проникающихъ Уставы, и разработка системы нравственныхъ правилъ,—этого *non scripta, sed nata lex*,—которыми должны быть проникнуты приемы и содержаніе дѣятельности обвинителя, защитника и судьи, могутъ составить одну изъ заманчивыхъ и плодотворныхъ задачъ Юридическаго Общества. Давно уже слышатся единичные голоса, твердящіе о необходимости выдвинуть, въ вопросахъ осуществленія правосудія, на первый планъ не одинъ техническій но и нравственный элементъ. Юридическое Общество можетъ слить эти голоса въ одинъ стройный хоръ, въ который войдутъ старыя и къ которому прислушаются молодыя судебныя дѣятели. Наряду съ назрѣвшими вопросами этики, настала пора заняться разсмотрѣніемъ того, какъ сложились на практикѣ основныя и выдающіяся черты прокурора, защитника и предѣдательствующаго судьи. Безпристрастно и вдумчиво, общею совокупною работою, надо выяснитъ, соотвѣтствуетъ ли выработавшійся типъ этихъ дѣятелей тому, что предполагали создать Уставы, напр., остался ли прокуроръ въ судебномъ засѣданіи тѣмъ *говорящимъ судьей*,

какимъ его рисуютъ ст. 739 и 740 уст. угол. суд., и устоятъ ли уголовный защитникъ въ предѣлахъ своей дѣятельности какъ *общественнаго* а не *личнаго служенія*? Въ матеріалахъ и живыхъ примѣрахъ недостатка не будетъ

Двадцать пять лѣтъ назадъ, въ этотъ день, собрались впервые въ засѣданіе учредители нашего Общества. Ихъ было тридцать. Теперь изъ нихъ налицо всего шестнадцать. Остальные ушли отъ насъ, закончивъ свой трудовой жизненный путь. Мы лишились трехъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ и въ томъ числѣ Рѣдкина, Андреевскаго и Чебышева-Дмитріева; насъ покинули, такъ неожиданно и преждевременно, Градовскій и Неклюдовъ. Особенно внезапною была утрата нами послѣдняго, съ его орлинымъ выраженіемъ лица и глазъ и могучимъ полетомъ смѣлой мысли. Судьба и крылья ему дала орлиныя, но, по присущей ей проиіи, не пустила его въ поднебесье, а предоставила ему летать въ корридорѣ, мѣстами узкомъ, мѣстами широкомъ, гдѣ нельзя было развернуть крыльевъ во всю ширь, изъ боязни переломить ихъ, и гдѣ приходилось ихъ подчасъ подгибать, а едва стали развертываться предъ нимъ болѣе широкіе горизонты дѣятельности, смерть безжалостно прекратила біеніе его гордаго и боровшагося съ собою сердца... Не увидимъ мы больше ни благодушнаго лица Н. И. Стояновскаго, нашего перваго предсѣдателя, многіе годы своей высоко-полезной для судебного возрожденія жизни переплетшаго съ дѣятельностью сердечно имъ любимаго и хранимаго Общества;—ни поерытой безупречною сѣдиною прекрасной головы Арцимовича;—ни задумчивой, серьезной фигуры Капустина... Не пришли сюда на наше скромное торжество и тѣ, кого удержалъ недугъ. Пусть наша память объ ихъ тѣсной правственной связи съ Обществомъ, донесаясь до нихъ, заставитъ ихъ хоть на нѣсколько мгновеній забыть свои страданія и свое отъ насъ вынужденное отдаленіе. Я говорю объ А. А. Книримѣ, тонкимъ и глубокимъ умомъ котораго мы такъ часто любовались, объ А. А. Герке, о В. Д. Спасовичѣ, о которомъ не хочется вѣрить, что его—этого живого пульса нашего

Общества, бившагося одновременно во всѣхъ его артеріяхъ— нѣтъ здѣсь, съ оригинальнымъ жестомъ, со своеобразнымъ складомъ рѣчи, столько разъ поучительно доказывавшей, какъ мало значитъ форма, когда въ нее вложено глубокое по мысли и пламенное по чувству содержаніе.

Наше юбилейное собраніе состоялось въ тѣ дни, когда во всѣхъ уголкахъ Россіи звучитъ имя Гоголя. Позвольте, поэтому, вспомнить объ одномъ изъ чудныхъ его произведеній. Когда Тарасъ Бульба, оставшись съ половиною запорожцевъ подъ Дубно, видитъ, какъ въ смертномъ бою смежаются очи его сподвижники, онъ перекликается съ куренными: „А что, паны,—есть-ли еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабла ли казацкая сила? не гнутелъ ли казакъ?“— „Есть еще, батько,—отвѣчаютъ ему,—порохъ въ пороховницахъ; не утомилась еще казацкая сила; не гнулись еще казаки!“ Немногіе изъ оставшихся учредителей Юридическаго Общества доживутъ до празднованія его пятидесятилѣтія... Двое—трое, можетъ быть—одинъ. Каждый изъ оставшихся учредителей, сходя со сцены, будетъ имѣть право сказать созданному ими Обществу „*feci quod potui, faciant meliora potentes*“. Пожелаемъ, чтобы работа будущихъ дѣятелей нашего Общества,—этихъ *potentes*,—была такъ-же усердна, какъ у ихъ предшественниковъ и оказалась плодотворною и успѣшною въ смыслѣ вліянія на правовое развитіе родины. Пусть въ день пятидесятилѣтія оставшійся учредитель, перелистывая дрожащими и слабыми старческими руками полувѣковой отчетъ Общества, на свой молчаливый, тревожный вопросъ: „а что, паны,—есть-ли еще порохъ въ пороховницахъ; не погнулась ли русская юридическая мысль“? услышитъ, со страницъ этого отчета— „будь спокоенъ, батько, есть еще порохъ въ пороховницахъ, и не погнулась еще русская юридическая мысль!...“.

А. Ф. Кони.